

Баян

Сказка о настоящем волшебстве

Записала Анна Зубкова

Под редакцией
Владимира Антонова

Во времена давние жил на Земле певец и сказочник. Звали его Баян. Даже имя его словно говорящим было, ибо происходило оно от древнего слова «баять», что значит «рассказывать». Во многих народах это имя в старину известно было. И значило оно везде: *несущий истину, говорящий правду, ясно излагающий мудрость.*

Ходил Баян по деревням и по городам с гуслими, пел песни и сказки сказывал.

Росту он был высокого, сложения — богатырского, лицом — пригож. Только уже в юные годы стали седыми его волосы. А от какого горя, от какой беды сделались они белыми, как снег, — никогда никому не рассказывал Баян.

Пел он в песнях своих только о любви, о радости, о добре, о том, как человеку счастливым быть, как на Земле праведно жить. Былины о героях-богатырях он повествовал и сказки, души возвышающие и преображающие, сказывал.

Ходил Баян так по Земле много лет. Не было у него ни семьи, ни дома, ни деток.

А времена непростые были тогда. Враждовали меж собой князья и бояре: земли делили, за власть убивали один другого. А ещё спорили люди из-за веры прежней старинной — и веры новой, заморской.

А ведь оттого враждовали они, что позабыли Истину о Боге Едином!

И старался Баян о той Истине в песнях петь, в сказах и былинах рассказывать.

Сердце его — словно солнце — любовью горело! Мудрые слова его учили, как миру на Земле быть, как людям с добротой сердечной жить.

* * *

Однажды шёл так Баян дорогой своей, а тут — дым от пожарища догорающего: сожгли деревню люди недобрые!...

Прошёлся Баян по пепелищу — никого живого не нашёл.

И вдруг... на самой окраине деревни — плач детский услышал: словно с неба тот плач доносится! Словно весь мир окружающий — о делах людских, злобой наполненных, плачет!

Посмотрел Баян: а на берёзе большой — корзина висит, а в ней дитя, чудом уцелевшее! Успела мать, видно, ребёночка спрятать: на верёвке высоко подняла!

Спустил Баян корзину, взял дитя на руки.

Оказалось, что это — девочка, мала совсем, кормить её ещё молоком грудным надо бы!

Напоил он её водичкой из фляги своей — и пошёл искать мать-кормилицу: несподручно ведь певцу-гуслиарю с малым ребёнком по деревням и по городам странствовать!

Долго он так искал: никто к себе в семью дитя взять не хотел! Хорошо бывало, если какая-нибудь женщина добрее покормит малютку — вместе со своим собственным ребёночком. А в дом к себе никто девочку так и не взял: «И так голодно да трудно живётся, своих деток кормить нечем!» — так отвечали Баяну...

Вот и осталась девочка у Баяна. Нарёк он её Василисой.

Стала она для Баяна доченькой любимой, а он ей — отцом мудрым и ласковым.

* * *

Быстро подрастала Василиса. Много видела она, с Баяном странствуя! А ещё больше узнавала, песни и сказы его слушая, мудрости его внимая.

Василиса была уверена, что Баян про всё знает: и про дела обычные земные, и про волшебство любое.

И столь волшебным умел Баян сказки сказывать, что оживали образы героев его повествований и каждая сказка явью воспринимаемой становилась. Рассказывает он про то, как птичка поёт, — и видно птичку и слышно! Василиса, когда мала была, даже подбегала, чтобы рукой птичку, белочку или зайчика из сказки погладить.

Однажды попросила Василиса Баяна:

— Научи меня волшебству настоящему!

— Какому?

— Ну... как в сказках твоих: рубашку за ночь сшить да вышить, хлеб спечь, вкуснее которого не сыщешь...

— Пока не могу, доченька. Как я научу тебя волшебный хлеб сотворять, если ты ещё и обычный хлебушек испечь не умеешь? Пряжу ты обычную не пряла, узоры не вышивала своими руками... Как же волшебные-то узоры научу на волшебной рубахе вышивать?

... С того дня при каждой возможности стала Василиса у хозяек, в каком доме они гостят, в помощницах быть. И хлеба да калачи вместе с ними стала печь, и щи да кашу варить, и пряжу прясть. И шить, и вышивать она выучилась. Стала Баяну на рубашке узоры иголкой с нитками делать, а себе — на платице.

А Баян всегда теперь обращает внимание Василисы: смотри, как листочек и цветочек будто обнялись — красота ведь прям волшебная получилась! Примечай, Василисушка: из этой красоты естественной — узор на ткани может выйти, краше какого в целом свете нет!

Или цвета на крыльях бабочки Баян приметит — и говорит: смотри, как Бог одел бабочку в наряд изысканный! Ты наблюдай красоту, Богом даруемую, — и сама искусной в сотворении красоты станешь!

И считать, и читать, и про всё главное в жизни знать — всему Баян дочку учил!

Бывало, что для одной только Василисы Баян уроки такие устраивал. А иногда — со всей деревни ребятки соберутся, и после сказок своих Баян всех грамоте учит.

Часто так случалось, что не сразу умение новое освоить получалось и у Василисы, и у других ребят. А Баян им объясняет:

— Так во всём в жизни Богом задумано, что постепенно обретаются существами разными и мудрость, и сила, и красота, и совершенство. Вот — бутончик не один денёк растёт: внутри него лепестки да тычинки образуются. И только потом — когда наступает срок — прекрасный цветочек распускается!

Или птенчик летать ведь не с рождения умеет, должны окрепнуть его крылышки, должен он страх и слабость свои преодолеть — и только тогда научится летать по воздуху!

Так и человек — всё не сразу осваивает, а помаленьку!

... Подрастала так Василиса, набиралась ума-разума. И доброте у Баяна училась.

А он — был мастер не только сказки рассказывать, но и травы целебные знал. Мог и людей, и зверюшек лечить. И это тоже старалась запоминать Василиса: какую травку как собирать, от какой болезни она помогает.

Звери лесные Баяна совсем не боялись. Они за помощью к нему приходили, словно знали, что не обидит он их, а раны и болезни вылечит.

Мир природы был для Василисы добрым и прекрасным! И жители лесные — ей как друзья были!

Росла Василиса смелой и ловкой! Баян заботился, чтобы не только хозяйкой она была умелой, но и на коне научил её скакать — так, что она даже парня любого деревенского обгонит. И на палках, если в сражении игровом соревнуются, не хуже мальчишек научил Баян её управляться. Где ей силы не хватит — там ловкостью и смекалкой побеждает Василиса!

И сама она — всему-всему у Баяна научиться очень сильно хотела!

* * *

Однажды сидели они у костерка в лесу, отдыхали после дороги долгой.

Василиса Баяна спрашивает:

— Откуда ты сказки, песни да музыку берёшь?

— Из *тишины!*

— А как? У тебя — гусли волшебные?

— А ты — попробуй!

— У меня так не получается... А у тебя — они словно сами играют!

— Это — оттого, что я слышу ту музыку, которую им играть надо!

— А я не слышу...

— Ты для начала послушай, о чём гусли *молчат*. Когда не играю я на гуслях, то *тишина* вокруг них — особенная, волшебная. Можно научиться ту *тишину* слышать. И тогда — в *тишине* этой — всё станет ясным и прекрасным!

Но не только у гуслей слушать *тишину* можно учиться, но и у леса, и у озера, и у луга в безветренную погоду. В *тишине* такой ты услышишь и о чём ручеек говорит, и про что птичка щебечет, и что ветерок рассказывает, что солнышко ласково спрашивает, о чём деревья шепчутся, о чём молчат звёзды и месяц ясный.

... Так стала учиться Василиса *тишину* слушать. И когда она в *пространство прозрачной тишины* входит научилась — то так хорошо ей стало! Словно она сама в мире волшебном оказывалась: в мире, в котором Бог — рядом и никакой беды приключиться не может!

Узнавая от Баяна о мире Божественном Доброты и Красоты, Василиса удивлялась и спрашивала:

— Отчего же люди печалются, когда мир Божий — так прекрасен?! Отчего они страдают, болят, старятся, умирают?! Отчего они враждуют и убивают друг друга?!

— Не просто на твой вопрос, Василисушка, ответить. Человек ведь — не тело, а душа живая! Тело — это словно сосуд, в который Бог душу вливает: чтоб росла, развивалась!

Тело — растёт, а потом стареет и умирает. А душа — не умирает!

Душа и без тела может в мире светлом и прекрасном жить, если в состояниях любви и доброты быть приучилась. А если в гневе или страхе жила она — то жестоким становится и мир вокруг! Судьба такого человека горькой становится!

И ещё — связаны меж собой бывают судьбы и дела людские...

Вот нам с тобой и нужно рассказывать людям о том, как жить в любви сердечной, благою волю в каждом человеке стараться возрождать, злые замыслы останавливать!

Хочешь, научу тебя танцевать так, чтобы любовь и свет в танце твоём людям стали видны?

— Хочу!

— Вот, посмотри: пламя в костре — словно танцует! Попробуй и ты так же танцевать!

... Попробовала Василиса. Тело — словно само стало двигаться в танце красивом!

— А теперь попробуй так, как солнышко утреннее нежное — из сердца светить, лучиками-руками ласкать и обнимать всех!

... Ещё краше стал танец: наполнились движения любовью сердечной!

Не за один день, конечно, выучилась этому Василиса, но с каждым разом всё прекраснее были её танцы! И душой она, благодаря этому, всё краше становилась!

Стала теперь Василиса вместе с Баяном пред людьми выступать. Под музыку его она танцевала, всё вокруг теплотой сердечной озаряла!

* * *

Однажды пришли они к селению большому. А рядом с тем селением виднелось подворье княжеское богатое, стеной каменной обнесённое. Палаты там белокаменные, терема высокие, слуг и воинов много, стражники ворота охраняют.

— Ну что, Василисушка, где прежде петь песни будем: в деревне или в палатах княжеских?

— Давай — в князем доме! Я таких палат и теремов не видела никогда!

... Постучали они в ворота. Вышли к ним стражники. Увидели они гусли у Баяна — и впустили: «Как раз у князя Мстислава гости собрались, пир большой! К походу военному они все готовятся, союзников князь собирает себе. Гуслир там кстати будет!».

Проводили они Баяна и Василису к князю и к гостям — туда, где пиршество шло.

Палаты богатые, потолки расписные, окна стёклами цветными узорчатыми изукрашены, посуда из золота и из серебра, еды на столах — полно!

Но не пригласил князь их с дороги угоститься за столами богатыми, а сказал:

— Ну, покажи же своё искусство, певец, повесели нас!

... Стал Баян песни петь. Стала Василиса танцы танцевать...

Только гости едва их слушают, едва смотрят в их сторону...

Развеселились гости от вина выпитого!

Тут князь у Баяна спрашивает:

— Слыхал я, Баян, что ты и будущее и прошлое видишь. Правда ли это?

— Проще прошлое видеть, настоящее знаю. А о будущем своём — человек сам во многом волен. Но о возможном будущем — да, могу кое-что сказать, — ответил Баян князю.

— Скажи же каждому гостю, который того пожелает, о том, что он спросит!

— Хорошо.

... Стали гости спрашивать. Стал Баян на их вопросы отвечать.

Вначале — всё больше шутки были:

«Как мою жену звать?» — один спросит.

Или: «Сколько сынов у меня и сколько дочерей?»

Баян про всё точно отвечает. Удивляются гости, хохочут...

Так долго они забавились.

А потом сам князь спрашивает:

— Каким будущее моё ты видишь? Ждёт ли меня победа в грядущем походе?

... Баян так говорит:

— Вижу победы твои многие, князь Мстислав. Вижу и воинов множество поверженных в тех сражениях. Вижу княжества другие, тебе покорившиеся. Вижу сёла и города разорённые в тех краях... Велико могущество твоё будет! Грозен ты будешь и важен — среди других князей! Но вижу ещё и печаль: гибель сыну твоему принесёт твоё земное могущество! Не будет радостного будущего у тебя! А после смерти твоей — разорено и покорено другими будет твоё княжество...

— Как смеешь ты такое мне предсказывать?! — разгневался князь.

— Предсказание это — ещё не предопределённое будущее, а предупреждение тебе. Можешь ведь ты не допустить этого! Коль не посеешь смерть — не придёт печаль в твою жизнь!

Храбрость храбрости — рознь! Сила добрая и сила недобрая — вовсе не равны!

Ныне убивают люди друг-друга из-за веры различной, из-за богатства, ради власти, ради уделов земельных, из-за обид пустых... Мечь умножает такое кровопролитие...

Отвага, честь, справедливость и сила — не таковы ныне в людских представлениях, какими им бы быть следовало!

Что есть грех и что есть благо — перепуталось в умах!

И говорят люди о «гневе праведном», о «войне святой»... Но не бывает ненависть — праведной! И убийство — не может быть свято!

... Тут ещё пуще разгневался князь, велел стражникам схватить Баяна и в темницу его заточить.

Василиса не знает, что делать! Стала пытаться Баяна защищать, со стражниками биться... Да смешно это было: одна девочка — против воинов многих...

Баян говорит ей: «Уходи отсюда, доченька, поскорее!» А Василиса не слушает. Тут один стражник Василису схватил, а другие все вместе на Баяна навалились и отвели их в темницу княжескую. В подполье зарешёченном заперли их.

Баян Василису плачущую по головке гладит, утешает. А сам думает о том, как бы ему дочку спасти.

Сам он никогда смерти даже самой лютой не боялся. А вот Василису из беды этой выручить он обязательно хотел!

А Василиса сквозь слёзы спрашивает:

— Почему же они — такие злые? Отчего они тебя не слушали даже? Ты же им про добро, про справедливость говорил! Сами они пили-ели, а нас не угостили! А за всё доброе — в темницу заперли! За что?

— Бывает так, Василисушка, что не замечают люди дурное в себе. А если им про это говорить начинаешь — то злятся на того, кто им правду сказал.

Не все семена, что сеятель сеет, — на добрую почву падают. Потому не все и прорастают...

Ты не грусти! Поешь вот пока!

... Достал Баян из-за пазухи кусочек хлеба небольшой, в тряпицу чистую завернутый, флягу с водой родниковой, которая у него всегда на поясе была, протянул Василисе.

Василиса хлеб пополам разломил. Баяну даёт.

Баян говорит:

— Не хочу я! Ты — ешь! А я тебе сказку волшебную пока расскажу.

... И начал он сказку рассказывать:

«Жил-был царь. И были у него три сына: старший — Касьян, средний — Демьян и младший — Иван.

Царство было у него небольшое. Народу там жило мало. Жизнь была тихая и размеренная. Никто ни с кем не враждовал, не ссорился. Земли пахотной — вдоволь! Кто сколько обработать может — того и земля. Хлеб рождается хорошо год за годом, в лесах орехи, грибы да ягоды не переводятся. Все — сыты, все — довольны!

Бывало, конечно, что муж с женой или сосед с соседом где-нибудь и повздорят — так их люди всем миром помирят. А если мириться те не хотят, то ведут их на суд к царю — и царь рассудит всех справедливо, чтобы раздоры да споры не сеялись в царстве.

Так и протекла их жизнь — тихо и спокойно.

Шло время, выросли царские сыновья, стали молодцами сильными да пригожими. Стал царь думать: кому из сыновей он царство своё доверить сможет.

Призвал их царь и говорит:

— Скоро мне нужно будет выбрать: кому в царстве после меня править. Ступайте по белу свету, поищите наставников, уму-разуму у них поучитесь — и домой возвращайтесь. Кто больше узнает полезного о том, как на Земле праведно жить, как царством управлять, — тому и оставлю власть. А двое других ему помощниками и советчиками будут. Так наказывал мне батюшка мой: чтобы не делить царство на уделы, а жить дружно семьёй одной!

... Поклонились царевичи отцу — и отправились в путь.

Идут-идут... Вдруг — перед ними камень. А от камня — три дороги. На камне надпись:

“Кто направо пойдёт — силу огромную обретёт.

Кто налево пойдёт — богатство великое добудет.

Кто прямо пойдёт — любовь обретёт, да себя потеряет.”

Стали царевичи решать: куда им идти?

Старший брат Касьян говорит:

— Надо туда идти, где силу обретём! Сила нужна, чтобы царство защищать!

... Средний брат Демьян возражает:

— Надо той дорогой идти, где богатство добудем! Если узнаем, как богатство добывать, то и от любых врагов сможем откупиться!

... А младший брат Иван молвит:

— Как же сила и богатство без любви могут пользу принести? Я бы — прямо пошёл!

... Братья ему говорят:

— Тут написано, что любовь — обретёшь, а себя — *потеряешь!* Может, и живыми нам с этой дороги не возвратиться!...

... Подумали-погадали братья, а поскольку отец научил их не спорить и не ссориться, то решили, что каждый из них попытает счастья и мудрости на той дороге, которая ему понравилась.

Как сказали они — так и сделали. Обнялись-простились — и дальше по-одиночке в путь пустились.

* * *

Пошёл брат Касьян правой дорогой, нашёл домик маленький, в котором наставник жил. Стал тот наставник обучать Касьяна как сражаться-воевать, всех побеждать, себе славу добывать.

Да не заметил старший брат, как вместе с силой стали в нём гордость расти и жестокость, как гнев стал появляться к тем, кто ему не служат и не подчиняются...

Прошло время.

Овладел Касьян силой огромной. Многие земли завоевал, стал над многими людьми царём. Сильным стало его царство, а он в том царстве — самый сильный!

* * *

А брат Демьян пошёл левой дорогой, нашёл тоже домик маленький, в котором другой наставник жил.

Стал тот наставник обучать Демьяна, как с выгодой торговать, прибыль большую получать, как богатство преумножать — и самым богатым стать.

Да не заметил средний брат, как — вместе с умениями полезными — стали в нём жадность и зависть расти, как хитрость и обман стали для него не зазорны в погоне за богатством...

Прошло время немалое, захватил он земли большие и стал там царём. Большим да богатым стало его царство, а он в царстве — самый богатый!

* * *

А Иванушка — прямым путём-дорогою отправился.

Шёл-шёл, только видит он — избушка в лесу стоит ветхая, живёт в ней старушка старая-престарая...

Старушка его просит:

— Не проходи мимо, добрый мóлодец! Наруби мне, пожалуйста, дров, наноси воды да истопи баньку!

— Хорошо, бабушка!

... Навалил Иванушка деревьев сухих в лесу, напил-наколочил дров, наносил воды из речки, баньку истопил. Хоть и не царское то дело — а исполнил всё умело!

Помылась-попарилась старушка, а как вышла из баньки — то так помолодела, что уж её и не узнать! Иван-то теперь и бабушкой назвать её не может!

— Вот уж — и волшебная же у тебя банька, матушка! Была старушка дряхлая, а как попарилась — помолодела годков на пятьдесят, а то и более!

— От любви и заботы, Иванушка, все молодеют!

— Да какая ж это любовь? Подсобил лишь тебе маленько по хозяйству... А я как раз и иду по свету, чтобы *любовь настоящую* обрести!

— Да, как раз так-то *любовь настоящую* и обретают: от одного малого добра к другому идёт эта дороженька!

Или, иначе можно сказать, от заботы маленькой тот путь пролегает — к доброте великой!

А ты сам, Иванушка, тоже ступай попарься: здоровья и силушки у тебя прибавится! А я тем временем на стол соберу.

— Откуда же ты имя моё знаешь?

— Я много, о чём знаю! Захочешь — научу!

... Попарился Иванушка — и вправду силы в нём прибавилось, усталости — как не бывало! Тело — словно внутри чистотой наполнилось, а душа — в Свете ясном омылась.

Заходит Иван в горницу — а там стол скатертью белой накрыт. И на нём — чего только нет: и пироги, и блины, и калачи, словно только из печи, варенья и соленья всем на объеденье, и орехи, и ягоды, и фрукты, каких в то время года и не выросло ещё!

Удивился Иванушка:

— Откуда такое угощенье, хозяйка?

— Это — скатёрка у меня волшебная: всё, что пожелается, — тотчас на ней появляется!

... Стала хозяйка ему в тарелку всё, что он захочет, накладывать...

Отобедали они. Благодарность Богу за угощение сказали.

Тут скатерть сама собой свернулась — и нет ничего!

— Хорошая у тебя скатерть, хозяйка!

— Есть у меня ещё две чудесные диковинки: ковёр-самолёт и шапка-невидимка. За то, что помог мне, — я тебе их подарю!

— Это для путника — вещи полезные! Только ты-то как же без них обходиться будешь?

— Да уж управлюсь...

... Поблагодарил Иван хозяйку, взял подарки её — и дальше пошёл.

Идёт-идёт, да не утерпел: решил испытать диковинки чудесные, которые ему хозяйка подарила.

Развернул ковёр — он, да, в воздухе парит! А вот взобраться на него — у Ивана не получается: тело сквозь него проваливается! Ногу поставит — а она насквозь проходит и на землю опускается!

Развернул Иван скатерть-самобранку: яства и угощения — лучше не придумаешь, аромат — слюнки текут, да только... рукой ту еду не взять, не ухватить, в рот не положить...

Шапку-невидимку стал опробовать: по-всякому её вертел. Шапка-то — исчезает, а сам Иван — виден остаётся! Чуть совсем не потерял ту шапку, едва смог найти, когда она невидимой сделалась!

«Эх, взять-то взял, а пользоваться как — не спросил!» — подумал так Иванушка и вернулся к хозяйке за премудростью.

— Матушка, научи, как пользоваться диковинками твоими чудесными: как на ковре летать, как со скатерти вкушать, как в шапке исчезать?!

— То-то, мóлодец! Чудеса — они мастерства требуют! Уму-разуму не набравшись — волшебные деяния не совершить!

Хорошо, хоть перед людьми похвалиться диковинками ты не стал, а то бы смех один получился!

Ладно, буду тебя учить!

— Кто же ты такая на самом деле? — удивляется Иванушка.

— Я — Богу служу, о порядке на Земле стараюсь заботиться!

Да не одна я такая на белом свете: есть у меня Братья и Сёстры в Божественном Свете! Все Они — Богу служат, людям помогают Истину узнавать!

... Вот и стал Иванушка у хозяйки той учиться.

Вначале стала она ему объяснять, как все существа — детей Божьих! — любовью сердечной любить.

Говорит так:

— В грудной клетке, где воздух лёгкие наполняет, — есть место особое. Здесь рождается любовь сердечная. Научившись такой любви, человек может Бога ощутить, потому что главное свойство Божие — Любовь Безграничная, Нежная и Мудрая ко всему и ко всем!

Бог ведь — всему Создатель! А каждому из нас Он — и Отец, и Мать!

И потому — нам нужно учиться Его любить!

И тогда — сможет Бог через человека такого Свою Любовь проявлять к людям и к другим существам! Будет Любовь Божия тогда проявляться и расцветать — и в большом, и в самом даже неприметном, на первый взгляд, деле добром!

... Потом стала хозяйка Иванушку учить, как из сердца духовного — словно солнышком светить.

А ещё потом — научила Огнём Любви Неопалённым быть:

— Великая Сила Божия есть в Огне Любви Божественном, Который может быть разожжён также и в сердце духовном каждого человека! И может человек, Богу служащий, с этой Силой соединиться — и всем помогать, всех защищать!

... Научила она Иванушку и тому, как свою волю — на Божью Волю переменить, и — как в Свете Божественном жить. Это ведь и значит: себя *потерять*, а взамен — Божии Любовь, Мудрость и Силу обрести!

Научился Иванушка, как с Волей Божьей Единым стать: не свои желания, а Божии — всегда ощущать и понимать, чтобы жить не по своему хотению, а по Божьему Велению! Так Великую Силу Божественную обрёл Иванушка — Силу Любви и Знаний Божественных!

Выучился он у хозяйки и тому, как тело невесомым делать. И на ковресамолёте теперь смог он летать. Освоил и то, как можно невидимым телесно быть, в шапке-невидимке исчезая. Научился и тому, как любую вещь из Света Божьего извлекать. И тогда — скатерть-самобранка ему послушной стала.

Освоил он и то, как сквозь твердь земную и любые материальные предметы проходить насквозь можно.

Спрашивает Иванушка хозяйку:

— А зачем мне теперь вещи волшебные? Я ведь и без них смогу всё волшебное делать!

— Возьми: может, кому другому в помощь они пригодятся! Вот тебе же — они сильногодились: выучился ты мастерству!

... Стали они прощаться.

— Спасибо за науку, матушка! — говорит Иванушка.

— погоди! Будет у меня для тебя поручение.

Вот — погляди сюда.

... Показала она ему на поверхность озера, которая спокойна была, словно зеркало. Вдруг — на воде видение сделалось: девица красоты удивительной!

Хозяйка и говорит:

— Это — Марья-царевна. Захватил её в плен злой колдун-чародей. Хочет он на ней жениться, красоту её себе во владение и подчинение заиметь! Да Марьюшка не соглашается! Держит он её в хрустальной горе, в подземелье.

Всё, Богом созданное, на добро и пользу назначено. Только бывает, что люди Божий Промысел не понимают и то, что добру Богом посвящено, тогда может беды нести.

Посмотри: вот — огонь, например: может он тепло дарить, а может и гибель от пожаров страшных нести.

Или — вода: может жажду утолять, дождями растения питать, реки и моря наполнять, всем жизнь давать. А может — потопа и бедствия нести разрушительные.

Так и все умения людские: могут они нести добро и пользу, а могут — злобу и разрушения.

Тот колдун — злой человек — научился магии, стал умения колдовские для удовлетворения своих дурных желаний использовать.

Поселился он в горе одной, начал во всей округе пытаться свои порядки наводить. Стал он также сеять слухи, что «его власть везде под землёй царит!» — чтобы люди его боялись, чтобы воле его злой подчинялись!

Нужно тебе победить того колдуна, развеять те чары, что он натворил! Тогда сможешь ты говорить всем людям, что зло — не «под землёй живёт», а *в душах, к порокам склонных!*

Рассказывай людям, что Царство Божие везде есть: и над землёй, и под землёй. И всюду — Бог всевластен! А любовь — открывает сердца человеческие для жизни в мире Божиим!

Садись сейчас на ковёр-самолёт — и лети! Он тебя туда доставит, где злой колдун власть свою утвердил и Марьюшку в плену содержит.

... Рассказала хозяйка, как в гору ту войти. Велела перед тем шапку-невидимку надеть. Потому, что охраняют гору стражи: витязи, чародеем заколдованные.

Поблагодарил Иванушка хозяйку за науку, за дары Божии, сел на ковёр-самолёт — и взлетел.

* * *

Летит Иван-царевич, любит на красу Земли: на луга и степи раздольные, на леса густые да высокие, на озёра чистые, на реки прозрачные!

Приземлился ковёр-самолёт перед горой. Свернул Иванушка его — и в мешок заплечный положил. Надел он шапку-невидимку.

Подошёл он к горе и говорит:

— Впусти меня, гора: не держу в себе я зла! Свет со Светом всегда сливается, любая преграда пред ним растворяется!

... Тут гора перед ним раскрылась.

Витязи-стражники его пропустили, не заметили.

Идёт Иванушка, дивится: внутри — своды хрустальные, камнями самоцветными и золотыми узорами украшены. Текут реки с берегами из золота и серебра.

Заметил колдун, что неладное в его владении творится: вошёл чужой кто-то и к покоям его приближается.

Встречает Ивана колдун силой своей невидимой. Словно из воздуха говорит он голосом страшным:

— Кто ты? Как вошёл сюда?

— Я — Иван-царевич!

— Как же стражи тебя впустили?

— Да вот: шапочку дала мне женщина добрая!

— Тебе от меня не скрыться!

... Иван тут шапку-невидимку снял и говорит:

— А я и не собираюсь скрываться! Я затем и пришёл, чтоб с тобой повидаться, злые чары твои растворить, Марью-царевну освободить!

— Не смей дальше идти! Не видать тебе Марьи-царевны! Она — моя! Всё здесь — моё! Земля — моя, золото — моё, камни драгоценные — мои! Здесь — только моя власть и моя сила! Уходи прочь, иначе уничтожу тебя!

— Не твоя — Земля, а Божия! Хоть *над* поверхностью земли, хоть *под* её поверхностью — везде Бог всему и всем Господин! Его Порядок нарушать не следует! Все владения человеческие — временные, все силы человеческие — ничтожны пред Его Силой!

И Власть Его — вечная! Не имеешь ты права — людей страхом своим магическим пугать, себе подчинять!

И не можешь ты девицу-красу против воли её — у себя держать!

Стал колдун заклятья магические произносить, хочет такой страх на Ивана нагнать, чтобы тот назад повернул. А Иванушка — не боится! Потому, что сила Любви — всех страхов сильнее!

Тогда поднял колдун силой своей магической воды подземные, затопил залу, где Иван был. Но тот — не погиб: сквозь воды прошёл невредимым!

Поднял тогда колдун из глубин земных лаву огненную, сделал реку из огня, Иванушке путь ею преградил. Тут Иван-царевич стал Огнём Божественным Неопалённым, тело своё тоже Огнём наполнил, прошёл сквозь реку огненную, как посуху, огонь колдовской ему вреда не причинил!

Оказался Иванушка перед колдуном. Тому — уже не скрыться и не спрятаться!

Колдун и спрашивает:

— Что за сила у тебя невиданная, что моей силы больше?

— То — не моя Сила, а Божественная! Она — любой силы сильнее!

— Хорошо, сдаюсь! Бери сколько хочешь золота, серебра и камней драгоценных! И — уходи!

— Не за тем я пришёл! Сними чары свои с горы! Не пугай людей колдовством, волю их своей силой магической не поработай! Не понуждай жить в страхе и тебе подчиняться! Не учи их силой твоей недоброй восхищаться!

И Марью-царевну отпусти на волю! Иначе — сам ты превратишься в камень на тысячи лет и будешь лежать здесь недвижим, пока не поймёшь, что зло не может быть сильнее добра!

Стоит тебе ещё хоть раз заклятье произнести — и оно против тебя обернётся!

... Испугался колдун... Даже думать боится! Потому, что в мыслях его — одно лишь колдовство злое...

А Иван-царевич в самую дальнюю залу горы вошёл. Видит: сидит там Марья-царевна — такая красавица, что глаз не отвести!

Да только — грустна она... Из камней самоцветных картинку она выкладывает, на которой — луга зелёные, цветы полевые, птицы и звери, всё — как живое! Солнышко на картине — будто сияет и всю красоту природы освещает!

Поклонился Иванушка Марье-царевне.

С первого взгляда полюбила Марьюшка Иванушку. И Иванушка — Марьюшку полюбил всем сердцем!

Иванушка её спрашивает:

— Отчего ты грустна, красавица?

— Давно не видела я небушка синего с солнышком золотым, давно не слышала птичьих песен, в лесу зелёном не бродила!...

— Пойдём же со мной! Если люб я тебе — будь мне женой! Отправимся в царство отца моего!

— А как же колдун?

— Не страшен больше колдун-чародей! Нет у него больше силы магической!

... Вышли они из горы мимо стражей незамеченными.

А как вышли, снял Иванушка чары с витязей-привратников. Исчезли и все другие заклятья колдуна.

Сели они с Марьюшкой на ковёр-самолёт. Летят они над землёй. Где приземлятся — там рассказывает Иван людям: что есть добро, что — зло, что — Истина. О Божьей Любви, Мудрости и Силе говорит, о простоте Божиих Законов Добра и Любви!

* * *

А тем временем так разрослись царства братьев Ивановых Касьяна и Демьяна, что соединились они границами.

И так выросли в Касьяне гнев, а в Демьяне — жадность, что позабыли они мудрость отца своего, стали спорить меж собой о владении землями и людьми...

А где спор — там и ссора! А где ссора — там и до войны недалеко!...

И вот — пришла беда: пошёл войной брат Касьян на брата Демьяна!

Люди и животные гибнут, пашни пустеют!...

Боль, смерть, увечья страшные, разорение, слёзы да горе несёт война!

А братья того не замечают, силой царств своих меряются: кто кого подомнёт да подчинит?!

Заметил это бедствие Иванушка.

Опустился на землю и стал братьев стыдить и мирить.

А Касьян и Демьян увидели Марью-царевну — и каждый захотел её себе в жёны заиметь. И оба они решили для вида помириться — чтобы отобрать у брата своего красавицу. Тут к их грехам — ещё и ложь добавилась, которая грязные замыслы их прятать-укрывать стала.

Возвратились они все вместе к отцу.

Послушал отец рассказы всех своих сыновей и говорит:

— Вот — как славно всё вышло! Не зря по свету странствовали, уморазуму учились! У каждого из вас теперь по царству будет. Наследниками моим Иванушке и Марьюшке быть! И всем вам — в мире жить!

Стали к свадьбе Ивана-царевича и Марьи-царевны готовиться.

Да только недобрые мысли у братьев Ивановых — от зависти их и жадности — всё сильнее!

Решил брат Касьян ночью убить Ивана и Демьяна — и сам всем завладеть.

Как решил — так и сделал.

Демьяна то он убил, а вот Ивана убить не смог. Вонзил меч, а Иван — живёхонек, спит, на другой бок поворачивается...

Испугался Касьян...

А наутро увидел Иванушка брата Демьяна мёртвого, про всё догадался. Пришлось ему оживить брата. Рассказал он Демьяну, как такое с ним приключилось.

В тот же день Демьян решил — из мести к Касьяну и из зависти к Ивану — обоих отравить.

В тот день как раз свадьба была назначена. Со всего царства люди на пир собрались: молодых поздравить, счастья им пожелать.

Когда все танцевать стали — тут Демьян яд незаметно насыпал в кушанья и Ивану, и Касьяну.

Как обратно за столы сели, Иван ест — ему хоть бы что. А Касьян — сразу умер...

Пришлось Иванушке и старшего брата оживить.

Тут уже для всех открылась правда о недобрых намереньях и делах старших братьев. Перед отцом, перед Марьей-царевной, перед всеми людьми — видны стали их вина и позор! И перед Богом Всевидящим — великий стыд!

Поняли старшие братья, как далеко завели их в пучину пороков и грехов гнев, жадность, зависть и обман...

Покаялись они.

Тут Иван им и говорит:

— Все добрые умения, которые вы получили, — во зло вы превратили!

Нет беды в умении сражаться и слабых защищать! Нет греха в умении честно торговать!

Но тот, кто не обладает любовью сердечной, может не заметить, как желание *выгоды личной* — ко злу склоняет, как *хотения личные* — над другими людьми возвышают!

Тот, кто действительно любит, — тот не о себе, а о другом ратует-заботится! И через то — может он научиться в любви бескорыстной *себя терять* и Божью Любовь и Волю обретать!

Отправляйтесь теперь каждый в своё царство! Наводите там порядок!

И в себе — все пороки с корнями вырывайте! Любовь сердечную возвращайте и укрепляйте!

— Так мы и сделаем! Только скажи нам прежде: как же ты жив остался и как нас к жизни возвратил?

— Научился я с Силой Божией единым быть! И потому — не страшно мне никакое зло!

Другим людям вы столько бед принесли! Пора вам скорее их исправлять! Для того и позволил Бог вернуть вас к жизни в этих телах, чтобы ошибки свои вы исправили!

... Возвратились братья в свои дома, стали учиться в любви и доброте жить.

А как научились — встретил каждый себе суженую. Женились они на своих избранницах.

Вот так — в мире и благоденствии — жить все стали.

А Иван и Марья всех людей продолжали учить тому, как миру, добру и любви на Земле быть!

Нашли они и доброго мóлодца, которому шапку-невидимку, скатерть-самобранку и ковёр-самолёт подарили, а потом и всем Знаниям Божественным научили.

Надо ведь, чтобы никогда не исчезало на Земле *волшебство настоящее!*».

* * *

Василиса так заслушалась, что забыла о подземелье, в котором они с Баяном заточены были.

— Какая красивая сказка! Вот бы нам ковёр-самолёт и шапку-невидимку: мы бы отсюда убежали!

— А как бы мы в одной шапке — вдвоём поместились?

— А мы бы — по очереди! Придумали бы, как шапку второму передать!

— Ну, хорошо: так мы и поступим!

— У тебя что, шапка есть такая?

— Нет, доченька, но я теперь тебя, Василисушка, постараюсь невидимо для людей отсюда выпустить.

— А ты — как же? Я без тебя не пойду!

— Так надо, доченька! А ты, как на воле будешь — из мест этих уходи! А за меня не беспокойся, я после выберусь и отыщу тебя. А ты пока у людей добрых-хороших поживи!

... Когда стражник принёс хлеб и воду пленникам, то стал ему Баян говорить, чтобы тот выпустил Василису на волю:

— Возьми мешок, спрячем там девочку, и словно ты из сена старого подстилку из темницы выносишь — так ты её на волю вынеси, за воротами отпусти! Ведь невинная она ни в чём! Вот — у тебя ведь тоже доченька есть и сыночек! Как бы тебе было самому, если бы их в темнице уморить пытались?

— А как же — князя Мстислава приказ?

— Так князь про девочку не приказывал, про меня только!

— А если спросят, куда делась? Что скажу?

— Скажи, что не знаешь, мол, наколдовал гуслир...

— Ладно!

... Стражник оказался не злой. Принёс он мешок:

— Залезай, девочка, сиди тихо, неприметно...

... Вынес стражник Василису за ворота, подальше ушёл, выпустил её из мешка.

* * *

Так вот и оказалась Василиса на свободе. А Баян в темнице княжеской остался.

Думает она: «Что теперь делать? Как Баяна вызволить?».

Пошла Василиса к речке. Одежду постирала, сама наумывалась-накупалась. Собрала трав целебных-лечебных и других съедобных растений на лугу. Потом в лес зашла, грибов да ягод набрала. И пошла искать людей добрых.

Только далеко она уходить не собиралась.

Увидела она на краю деревни избу покосившуюся. Смотрит — живёт там старушка одинокая да немощная.

Поклонилась ей Василиса земным поклоном и говорит:

— Пусти меня к тебе пожить, бабушка!

— Да разве ж тут — жизнь для тебе будет, деточка? Горюшко одно только! Одна я на старости осталась! Глаза уж видят плохо, руки неловкие стали, хожу еле-еле... И угостить-то тебя нечем!

— Вот я тебе и помогу немножко по хозяйству, бабушка! А ты мне — советом поможешь!

«Одно горе — то беда. А когда и у одного беда, и у другого беда — то, если вместе потрудиться, то и бед не станет!» Так мой отец Баян мне говорил. Вместе, быть может, и сумеем одолеть все беды!

— Хорошо, живи у меня. Внученькой мне будешь! Нет у меня внучат! Сыновья мои князю здешнему Мстиславу служили и головы на войне сложили, пропали не за что...

Оставайся у меня, сколько захочешь!

— Спасибо, бабушка!

... Василиса в избе прибралась, чистоту-красоту навела. Дров принесла, печку истопила. Из грибов да трав похлёбку сварила, из ягод — компот.

Сели они за стол трапезничать. Старушка Василису хвалит за чистоту, за угощение. Потом стала спрашивать:

— Что же за беда у тебя, деточка?

— Князь ваш — отца моего Баяна в темницу заточил... Мне нужно придумать, как его вызволить.

— Да, это — действительно беда...

Прежде люди бы всем миром встали на защиту певца-сказителя... А теперь — нет единства в добрых делах у людей! Вот и получается, что один-то — в поле не воин!...

Если всем миром люди добра хотят, то будет мир! А если нет того, то и мира нет...

... погоди! Вот, что думаю... Знаю я, что у князя жена княгиня Ефросинья — сердцем добрая!

Не всегда добры те, кто бедны. И не всегда жестоки и надменны те, кто в роскоши живут.

Кабы ты к ней сумела с просьбой обратиться — может быть, и помогла бы она...

Но только недужит-хворает она в последнее время! В тереме своём она сидит, никуда не ходит. А стражники тебя к ней не пустят...

... Сделала Василиса из трав — отваров целебных. Старушке дала их — и чтобы силы прибавились, и чтобы руки и ноги не болели, и чтобы глаза лучше видели.

И ещё — травы приготовила, чтобы ими княгиню лечить.

* * *

Теперь нужно было Василисе придумать то, как к княгине Ефросинье в терем попасть.

На другой день решила Василиса посмотреть-поразведать, как бы ей на княжеский двор мимо стражников пройти и княгиню увидеть.

Княжеское хоромы и терема — огромные, со всех сторон подворье огорожено высокой каменной стеной — будто крепость неприступная! Ворота — с одной только стороны.

«Ну что ж, княжий дом, повернись ко мне задом: стороною лесной неприметною! Посмотрю я, как мимо охранников можно в терем к княгине попасть!» — стала шутками Василиса себя подбадривать. И пошла она вдоль стены — туда, где от ворот подальше, к лесу ближе.

Да только деревья все вдоль стены на расстоянии большом спилены: чтобы врагов издали заметить можно было. На ту стену не забраться Василисе. И даже — за стену не заглянуть...

Только видит вдруг Василиса — как раз напротив терема, близко от стены, ель одна большая осталась: упростила княгиня Ефросинья ту ель не гу-

бить, потому что на утренней и вечерней зорьках прилетал туда певчий дрозд — и песни пел прекрасные, которые княгиня слушать любила.

Забралась Василиса на ель. Стал ей и двор виден, и терем княгини, и палаты княжеские.

А на дворе — мальчик-княжич играет-забавляется, со слугами на мечях деревянных сражается. Только слуги — боятся его ударить, поддаются сразу. Надоело княжичу так играть — и он слуг прогнал.

Взял он лук и стрелу, стал искать, куда бы выстрелить. Увидел на ели птичку-синичку — и стал в неё метить.

Василиса — быстрее спугнула птичку, чтобы княжич в неё не попал.

Стрела в дерево вонзилась — и княжич Василису заметил.

— Ты, холопка, что тут делаешь?

— Я не холопка! Я — как птичка вольная! Ты в синичку стрелял, а сам — в красну девицу чуть не попал!

... Взяла она стрелу княжича, перебралась по ветке длинной, да и прыгнула во двор.

Княжич говорит:

— Отдай стрелу!

— Возьми, только в птичек больше не стреляй!

— Я — князя сын Всеволод! Когда вырасту — князем и господином над всеми стану! В кого захочу — в того и буду стрелять!

— А меня Василисой зовут! А как вырасту — Василисой Премудрой стану!

Да я и сейчас знаю, что тот, кто в птицу стреляет, — счастье своё убивает!

— Тогда — куда же стрелять?

— А вот — я тебе мишень нарисую!

... Василиса нарисовала кусочком угля на деревянном столбе мишень из семи кругов:

— Давай играть: кто точнее выстрелит — того желание другой исполняет!

— Давай! Если проиграешь — моей холопкой-служанкой будешь, играть со мной станешь, как я велю!

— А если я выиграю, ты меня к матушке своей отведёшь, дело у меня к ней есть важное!

— Идёт!

... Стали стрелять. Василиса в самую середочку мишени попала, а княжич — только в краешек.

Говорит он:

— Нечестно ты победила: ветерок подул, мою стрелу сдвинул. Давай лучше — на мечях деревянных сразимся!

— Хорошо, давай! Тут уж ты на ветерок не свалишь вину!

... Стали они на мечях биться. Княжич в полную силу старается, но Василиса ему не поддаётся.

Василиса подловила момент — и приёмом, которому её Баян выучил, у княжича меч выбила. Он даже опомниться не успел!

— Теперь держи слово княжеское: отведи меня к княгине, матушке твоей! Я тогда тебя после научу, как ветер щекой ощущать, чтобы знать, насколько он стрелу снесёт в сторону. И приёму тайному научу, как обезоружить противника.

... Провёл княжич Василису в терем к матери своей.

Рассказала Василиса княгине Ефросинье о Баяне. Рассказала о том, что князь — за слова Баяна правдивые — разгневался и велел в темницу его заточить. И о том рассказала, что война, князем задуманная, угрожает смертью княжичу.

Опечалилась княгиня:

— Пока не знаю я, как сделать, чтобы князь совет мой послушал. Надо подумать, как Баяна вызволить, как судьбы́ предсказанной для княжича избежать...

— А ты скажи князю, что соскучилась по сказкам волшебным! И пусть к тебе отца моего Баяна приведут! Он на гуслях играть станет, сказки расскажет весёлые, а ты нас выпустишь потом — и мы убежим отсюда!

— Пока в гневе князь, не согласится он мою просьбу исполнить! Тут надо случая удобного подождать! Сейчас ходит он — злой, мрачнее тучи, ни с кем говорить не хочет!

Останься здесь пока, девочка, поживи у меня, с княжичем поиграй, сказки Баяна нам рассказывай!

... Осталась Василиса в тереме у княгини Ефросиньи, настои из трав для неё приготовила: один — чтобы здоровье её поправилось, другой — чтобы кожа была чиста, чтоб морщинок не было, чтобы краса не старилась, третий — чтобы волосы густы́ были.

Стала Василиса и сказки да истории волшебные рассказывать. Хоть и не так красиво, как у Баяна, у неё получалось, но про добро и про любовь она слова мудрые говорила.

А ещё днём она с княжичем Всеволодом играла. Научила она его, как ветерок щекой ощущать, чтобы точно в цель попадать, как противника обезоруживать.

Да только скучно Василисе в сражениях время проводить!

Говорит она княжичу:

— Нужно мне одну старушку навестить, а то она беспокоится: не случилось ли со мной что недоброе? Пойдёшь со мной?

— Пойду!

— Прихвати гостинцев, чтобы ей радость была!

— Хорошо!

... Взобрались они по лестнице приставной на стену, со стены по ветке на ёлку, с ёлки на землю спустились — и к старушке отправились.

Вот уж та обрадовалась гостям! Про всё Василису расспросила.

А княжич на жилище убогое смотрит, на бедность, в которой старушка одинокая живёт. Он такого и не видел никогда...

Оставили они гостинцы и обратно той же дорогой на подворье княжеское возвратились.

Княжичу Всеволоду так поступки добрые делать захотелось, что на следующий день они в другую бедную избу пошли, чем могли помогли, гостинцы оставили...

* * *

А тем временем у князя Мстислава — беспокойно на душе. Не идёт из головы предсказание Баяна! Не знает он, как поступить! Даже если прикажет он убить гусляра — ведь не отменит это предречённого!...

Не выдержал князь — и пошёл сам с Баяном поговорить.

Баян тому обрадовался:

— Хорошо, что пришёл, князь Мстислав! Недоброе дело задумал ты! Войну с братом твоим двоюродным — не начинай, не пытайся захватить его княжество, не старайся обратить его в веру свою! Живите в мире!

— Ты что, все мысли мои знаешь? Я о том, с кем воевать собрался, никому не говорил ещё!

Ты каким богам поклоняешься? Какой силой всё знаешь-ведаешь про людей? Каким колдовством владеешь?

Чем докажешь, что правдивым было твоё предсказание?

Чем докажешь, что, если не пойду войной на брата, то не погибнет сын мой?

— Доказывать я тебе, князь Мстислав, ничего не стану! Хочешь — верь мне, хочешь — не верь! Да, знаю мысли твои недобрые — и беду хочу отвести и от тебя, и от других людей!

Спрашиваешь ты, какому богу служишь? Но ведь Бог — един!

За времена долгие не раз бывали на Земле Великие Посланцы Его к народам разным — и получились со временем различия и в религиях, и в именах для Божественной Силы.

Знаю я Бога Живого, Который — за любой верой — есть Самое Главное! Он — всему Мирозданию Творец-Создатель и всем Своим детям — Отец и Мать любящие!

Любая вера была бы хороша, кабы люди не подменяли Бога — идолами, а исполнение Божиих Заповедей Любви — обрядами!

И не было бы между людьми вражды из-за веры, если бы понимали все, что есть только одна Единая Божественная Сила, какими бы именами ни нарекали Её!

Не стали бы брат на брата, сосед на соседа войной идти, когда бы понимали люди, чего от них хочет Бог на самом деле!

Вера в бытие Бога должна бы всех людей объединить, все распри людские погасить!

Ведь, видя ценности духовные извечные, понимать бы люди должны малозначимость споров своих земных да притязаний пустых!

Перед Величием Любви и Силы Божиих — все бы себя Его детьми должны ощущать, друг другу братьями и сёстрами ощущать!

А вот пока — иначе выходит! И за земли люди воюют, и за власть, за богатства земные! Спорят люди и о верах, воюют «за веру»!...

Если бы поняли люди, что все их мысли Богу ведомы, все дела, даже «тайные», — явны Ему, и за всё ответ держать им придётся, — то больше порядка и мира на Земле было бы! Ведь всегда наступает расплата за зло! А благо приходит — к совершающим благие дела!

... Князь Мстислав возразил:

— Что-то не видно, гусяр, чтобы в жизни всё по твоим словам выходило! Не настигает расплата всех, кто совершают зло! И не часто одаривает добром судьба — тех, кто добро творят!

Вот, ты меня злодеем считаешь! А я — свободен! Я — в роскоши живу! А ты — у меня в темнице сидишь! Прикажу — убьют тебя! Прикажу — пытать станут! Разве не так?

— Так... Да только это ты ко мне за советом в темницу пришёл, князь!

И совет мой тебе таков: не начинай войну, тобой задуманную!

... Опять разозлился князь — и ушёл...

... Не один раз так князь Мстислав с Баяном беседовал. О многом он задумался. А как дальше жить — решить не может.

* * *

Видит княгиня Ефросинья — поменялось настроение у мужа. Решила попробовать с ним поговорить, чтобы он отпустил Баяна на свободу.

Пришла к нему, начала разговор, а князь Мстислав ей отвечает:

— Мудрая ты у меня, жена! Я и сам так думаю, что, если есть способ беду от сына нашего отвести, — то будет правильно согласиться с Баяном и его выпустить.

Но боюсь, что затаит Баян на меня зло за то, что в темнице его держал... Придумает ведь месть коварную или колдовство какое наведёт!...

— Не станет он этого делать, Мстислав! Хочет он, всего лишь, чтобы ты войну не начинал! Отпусти его с Богом! И сделай так, как он посоветовал!

... Согласился Мстислав. Прощения просить у Баяна не стал, слова доброго не молвил, но велел выпустить его из темницы.

* * *

Как вышел Баян на свободу, стал он думать, как Василису разыскать.

А она уже о том, что отпустили Баяна, от княгини Ефросиньи узнала, поблагодарила её за помощь, простилась с княжичем — и сама Баяна догнала!

Велика была их радость!

Баян и говорит Василисе:

— Вот — какая ты теперь волшебница стала: освободила меня!

— Да тебя князь Мстислав и без моей помощи бы выпустил, речи твои слушая!

— Не скажи! Когда хотя бы несколько человек объединяют свои усилия ради цели праведной, то сила их возрастает многократно!

Вот видишь, Василисушка, выходит, что не зря мы здесь песни пели и сказки сказывали! Теперь есть надежда, что сумели мы войну кровопролитную предупредить и немного доброты в душах возродить!

Ты ныне и сама увидела то, как настоящее волшебство — в любви сердечной открывается-зарождается! И — как в жизни то волшебство через людей добра проявляется!

Тот, кто в деяниях благих о себе забывает, для людей по Воле Божией мир и радость несёт, — тот настоящее волшебство сотворяет!

... И пошли они дальше по Земле своим путём. И везде они семена любви в душах сеяли, о подвигах праведных рассказывали, дела доброты творили!

* * *

На этом — и сказке нашей конец.

А тот, кто, читая или слушая, добрее и умнее стал, — тот молодёц!